

СУБСТАНТИВНЫЙ РОД В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КАТЕГОРИЯ С СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ИЛИ СТРУКТУРНОЙ ДОМИНАНТОЙ?

Е.В. Крюжков, С.Г. Мамечков

Субстантивный род как элемент системы языка обычно признается морфологической категорией, обладающей структурной, а не содержательной доминантой. В статье на материале конструкций сравнения показана целесообразность уточнения результатов структурно-описательного изучения рода, при этом должны приниматься во внимание закономерности функционирования родовых форм в речи. В сравнительных конструкциях родовые формы даже у неодушевленных существительных последовательно реализуют вполне определенные номинативный потенциал.

As a rule, the substantive category of gender as a part of the language system is considered to be a morphological category with a structural, but not conceptual dominant. In the present article the appropriateness of the expediency of the results of the structural-descriptive study of gender is shown by analyzing constructions of comparison, taking into account the regularities of gender form functioning in speech. Thus, in comparison constructions gender forms regularly realize quite clear semantic potential even in inanimate nouns.

Ключевые слова: категория рода, субстантивная родовая форма, ситуации сравнения, сравнительная конструкция, номинативная семантика биологического пола.

Key words: the category of gender, the substantive gender form, the comparison situation, a comparison construction, the nominative semantics of 'sex'.

«Грамматический род, — писал А.А. Потебня, — принадлежит к числу общих *человекообразных понятий* (антропоморфических категорий), служивших для расчленения, приведения в порядок и усвоения всего содержания мысли» [Потебня 1968: 461]. В.В. Виноградов был сторонником точки зрения, согласно которой категория рода является «наиболее характерным морфологическим признаком» существительного [Виноградов 2001: 59]. Однако в ряде грамматических исследований высказывалась мысль о том, что категория рода существительных не обладает некоторыми существенными признаками, свойственными многим другим категориям как имени, так и глагола.

1. Количество родовых форм имени не соответствует числу номинативных значений, передаваемых этими формами. К традиционно устанавливаемому противопоставлению трех родовых классов: муж. р., жен. р. и сред. р. — А.А. Зализняк добавляет еще четвертый, «парный», род, характеризующий слова типа *сани* [Зализняк 2002: 75–82]. Однако номинативных значений биологического пола, присущих данной категории, естественно, только два: 'мужской пол' (*артист, вои́к*) и 'женский пол' (*артистка, во́йщица*). Подобного расхождения в количестве номинативных значений, требующих формального выражения, и обязательных средств

выражения этих значений мы не наблюдаем в рамках иных морфологических категорий русского языка.

2. Немаловажно, что функционирование даже категориальных форм муж. р. и жен. р. далеко не всегда служит целям различения семантики биологического пола. Казалось бы, одушевленный объект непременно предполагает характеристику по полу. Но далеко не каждое одушевленное существительное имеет родовую форму с однозначно номинативным наполнением. Так, обозначения классов и видов живых существ, а также имена экзотических и мелких животных и летящей животных типа *зверь, птица, бубобог, овод, опосум, коночек, мышь* и др. входят в родовые грамматические классы, однако считается, что их родовая форма незначима, поскольку реально подобными именами могут быть обозначены существа и мужского пола, и женского.

3. Сложность интерпретации субстантивного рода в немалой степени связана с тем, что грамматический класс одушевленных существительных в лексической системе не является доминирующим. Подавляющее большинство русских существительных — неодушевленные имена типа *стол, книга* и пр. (по данным А.А. Зализняка, они составляют 77,6 % от общего состава субстантивных лексем [Зализняк 2002: 145]). Но их лексическая семантика принципиально не совместима с идеей биологического пола.

Всем сказанным объясняется широко распространенное в современных типологических исследованиях утверждение о том, что такие языки, как русский, относятся к числу языков с формальной, а не семантической родовой системой [Sorbet 1991: 34–43]; грамматическое маркирование субстантивного рода в таких языках является практически незаметным [Даль 2009: 340]. Аналогичные суждения высказывались и в исследованиях, где проблематика рода рассматривалась с позиций структурно-описательной (или системно-структурной) лингвистики: «Не имеет объяснения тот факт, что слова *выход, темп, шток, день, овец* принадлежат к муж. р., слова *карта, стена, неделя, тень, ночь, рознь* — к жен. р., а слова *окно, стекло, бревно, утро, тишина* — к сред. р.» [Русская грамматика 1980, I: 467].

Как писал А.В. Бондарко, для характеристики любой грамматической категории важно соотношение ее семантических характеристик, основанных «на понятийном, концептуальном содержании», и внутриязыковых (структурных) функций, которые «закладываются в той роли, которую играет данное средство в организации языковых элементов» [Бондарко 2005: 45]. Грамматический род существительных относится при таком подходе к числу морфологических категорий не с семантической, а со структурной доминантой: любая субстантивная родовая форма способна на основе согласовательной связи жестко организовывать структуру подчиненного атрибутивного и предикативного контекста, но лишь формы муж. р. и жен. р.,

причем далеко не всегда, являются средством передачи номинативной семантики биологического пола. В итоге субстантивный род фактически приравнивается к таким «техническим» категориям с ослабленным семантическим потенциалом, как род, число и падеж прилагательных, род и число глаголов [Там же: 44].

Эти выводы, безусловно, справедливы, если смотреть на родовую форму исключительно как на компонент системы языка. Но в языковании наших дней большое внимание уделяется анализу реализации языковой системы в речи. Что касается речевого поведения родовых форм, то оно не всегда непосредственно соответствует тем характеристикам рода, которые данная категория получает при структурно-языковом (не дискурсивном) ее изучении. «Грамматический род имеет тенденцию проявляться в дискурсе с большей частотностью [нежели в системе языка]» [Даль 2009: 345], и это, безусловно, касается не только расширения круга формальных средств выражения рода, но и актуализации номинативного потенциала родовых форм.

При этом родовые формы отнюдь не получают именно в речи то значение, которого они якобы лишены в языковой системе; в нашей статье не обсуждается какая-то специфическая дискурсивная семантика рода. Те значения родовых форм, о которых пойдет речь, на самом деле являются их прототипическими значениями: они выкристаллизовались для форм муж. р. и жен. р. в самой системе языка. В некоторых типах дискурса эти системные языковые значения оказываются, если воспользоваться терминологией фонетики, в «слабой позиции» и потому бывают «зачеркнуты» контекстом (подробнее о том, каковы закономерности зачеркивания грамматических значений контекстом, см.: [Милославский 1980: 239-251]), а при других речевых условиях родовые формы реализуют свою прототипическую семантику независимо от того, одушевленным или неодушевленным является имя.

Так, в обычной речи, например в высказывании *Змей упол в корзину*, слово *змей* в значении 'воздушный змей, т.е. поднимающийся воздушным потоком и удерживаемый на длинной нитке лист бумаги или картона' не передает семантики мужского пола, так как это значение не совместимо с лексическим значением слова и поэтому «зачеркивается» им. Но в ином, поэтическом контексте *Стержень трепетный змей // Упол в ноздри корзин...* (А. Пушкин) это же слово оказывается противопоставленным существительному жен. р. *корзина*, и благодаря этой контекстуальной оппозиции, активно поддерживаемой характерным лексическим окружением (*трепетный, упол в ноздри*), реализация прототипической грамматической семантики 'мужской пол' оказывается освобожденной от сдерживающих оков лексической семантики.

Элементы дискурсивного подхода к анализу русской грамматики были фактически реализованы задолго до того, как термин *дискурс* вошел в научный

оборот. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к наблюдениям относительно семантической природы рода, которые мы найдем, например, в трудах А.А.Потебни, Л.В.Щербы, В.В.Виноградова, Р.О.Якобсона и многих других видных ученых XIX – XX вв. Как только филолог выходит за рамки самых простых, с дискурсивной точки зрения, стандартных сфер реализации языка, он сразу же обнаруживает яркие образцы бесспорного и однозначного проявления семантического потенциала тех грамматических форм, которые с позиций структурно-описательного подхода к языку принято считать номинативно незначимыми (пустыми).

А.А.Потебня писал: «О том, имеет ли род смысл, можно судить лишь по тем случаям, где мысли дана возможность на нем сосредоточиться, т.е. по произведенным поэтическим» [Потебня 1968: 483]. Обращение морфологов к поэтическому (художественному) дискурсу обычно имеет целью сбор документированных иллюстративных примеров, подтверждающих то или иное положение грамматической теории. Гораздо реже лингвисты обращаются к дискурсивному анализу категориальных морфологических форм по данным поэтической речи. Между тем именно изучение речевой реализации языкового механизма позволяет получить убедительные результаты, позволяющие по-новому взглянуть на номинативные возможности языковых форм, недостаточно отчетливо проявляющиеся в стандартной (непоэтической) речи.

Так, проанализировав значимые оппозиции имен *лotos* (муж. р.) – *луна* (жен. р.) и *лилия* (жен. р.) – *месяц* (муж. р.) в разных русских переводах стихотворения Г.Гейне «Die Lotosblume» и сопоставив полученные им данные с результатами исследований А.В.Миртова и Л.В.Щербы, В.В.Виноградов показал, что в ситуации олицетворения (персонификации) родовая форма неодушевленных существительных бывает однозначно связана с выражением либо мужского, либо женского биологического пола [Виноградов 2001: 63].

Высказывания, в которых реализована ситуация олицетворения, как показывают многочисленные примеры из литературы XX века, ярко демонстрируют способность неодушевленных существительных муж. р. и жен. р. служить средством выражения вполне определенной номинативной семантики биологического пола, ср.: *Погибла Помина / Когда разразилась Везувий* (В. Маяковский); *Сейчас притянули израненный вечер / Крепился долго, кургузый, шершавый, / И, вдруг надломится черные плечи, / Расплакался, бедный, по шее Варшавы* (В. Маяковский); *Грядущая алая змея, облокотись на пианино, / И смотри в окна, где истомо бредёт хмельющий Ночь* (И. Северянин); *Зима в наряде чопорной старухи / Вся в белых кружевах глядит в окно* (В. Юнгер).

Нередко на смысловом противопоставлении родовых форм неодушевленных существительных базируется композиция целого поэтического произведения. Такова оппозиция *смычок* (муж. р.) – *скрипка*,

струна / струны (жен. р.), определяющая весь строй стихотворения И Анненского «Смычок и струны»: Какой тяжёлый, темный бред! / Как эти выси, мутно-лунны! / Касаться скрипки столько лет / И не узнать при свете струны! // Кому же нас надо? Кто жаждал / Два желтыхлика, два улыбка... / И вдруг почувствовал смычок / Что кто-то взял и кто-то спил их. // «О, как давно! Сквозь эту тьму / Скажи одно: / ты та ли, та ли?» // И струны ласнулись к нему, / Звеня, но, ласкаясь, трепещут. // «Не прада ль, больше никогда / Мы не расстаемся? Довольно?...» // И скрипка отвечала «да», / Но сердцу скрипки было больно. // Смычок все понял, он затаил, / А в скрипке это все держалось... / И было мукою для них, / Что людям, музыкой казалося. // Но человек не погасил / До утра свеч... И струны неги... Лишь солнце их нашего без сил / На черном бархате постели (подробнее о закономерностях реализации ситуации олицетворения в дискурсе см.: [Мамечков 2006]).

Итак, поэтическая речь способна актуализировать семантику родовых форм даже у неодушевленных существительных. Однако В.В. Виноградов показал (и это является существенным уточнением идей А.А. Потебни), что данным свойством обладает не только поэтическая речь. Второй вид ситуаций, релевантных в указанном отношении, – это особые, явно не принадлежащие поэтическому дискурсу, речевые ситуации наречения имени [Виноградов 2001: 62]. Виноградов акцентирует внимание на широко распространенных в 20-е – 30-е годы прошлого столетия случаях использования неодушевленных существительных при назывании детей неканоническими именами, когда наблюдалась явная семантическая мотивация выбора родовой формы имени (*Май, Мир, Пурпур* – эти и подобные слова муж. р. становились исключительно мужскими именами; *Заря, Эра* – такие существительные жен. р., напротив, никогда не использовались при назывании мальчиков, это сугубо женские имена).

Отметим и тождественные по сути случаи выбора имени для домашних животных. Так, в Рунете существует специальный сайт, на котором собаководы и любители иных видов домашних животных (например, кошек) обмениваются информацией о своих питомцах, о тенденциях в присвоении им кличек. Естественно, что самые собак и кошек получают имена с грамматическими признаками муж. р. типа *Абсолют, Бегемот, Камаз, Питон, Оазис, Сиксерс, Фигада*, а самки – с грамматическими признаками жен. р.: *Балтика, Барселона, Канелла, Кассиопея, Симфония, Умора* и пр. [<http://forum.sendwiche.com/loftversion/index.php/2059.html>].

Значит, для проявления номинативных свойств родовых форм существительных важен не только поэтический дискурс. Даже обыденная речь может демонстрировать случаи проявления номинативной значимости родовых форм. Особое значение при этом имеет языковая игра, позволяющая «чётче определить норму и отметить многие особенности русского языка.

которые могли бы остаться незамеченными» [Санников 2002: 13]. Автор приводит отнюдь не поэтический, но весьма выразительный пример «уличной» шутки, требовавшей со стороны в экспликации убежденности рядовых носителей русского языка в системной значимости формы рода, в связи грамматического рода и биологического пола: «На остановке: – Когда они придут? – Это не они, а он. Автобус. – А к ней под колеса не заглядывать» [Гим же: 77].

Итак, олицетворение, языковая игра, наречение имени... А какие еще языковые условия способствуют реализации номинативного потенциала родовой формы неодушевленного существительного? Существуют ли, например, классы синтаксических конструкций, в рамках которых снимается запрет на актуализацию прототипической семантики категориальных форм муж. р. и жен. р.? Мы полагаем, что ответ на последний вопрос должен быть положительным. Режим наибольшего благоприятствования для реализации родовой семантики предоставляет, в частности, весьма обширный ономаσιологический класс конструкций, выражающих ситуацию сравнения. Рассмотрим особенности поведения родовых категориальных форм в подобных конструкциях.

«В основе сравнительных отношений лежит значение условного тождества, т.е. предположительного приравнивания» [Русская грамматика 1980, II: 602]; в этой дефиниции подчеркнута роль говорящего, субъективно устанавливающего отношения предположительного приравнивания сопоставляемых объектов. Проблематика выражения ситуаций сравнения была обстоятельно исследована в работах Э.С. Войцовой, Н.О. Дмитриевой, Л.А. Киселёвой, М.В. Ляпон, Н.Т. Малышковой, Л.Н. Мурзина, В.Н. Роговой, А.Г. Руднева, К.И. Ходовой, И.Г. Черепинченко, М.И. Черемисиной, Н.А. Широковой и других ученых; основные направления и результаты изучения данных конструкций представлены в обзоре [Черемисина 1976: 3-9].

Анализ языкового материала убеждает в том, что в сравнительных конструкциях проявляется явная грамматическая (в основе своей – семантическая) мотивация выбора родовой формы существительного: *В столовую Седа ворвалась как голодный тигр* (К. Булычев) – ср. очевидную невозможность: *...ворвался как голодная тигрица; *Словно падежа, величаво / Наклонилась ты главу...* (Л.А. Мей) – ср.: *словно клипарис наклонилась ты главу и т.п.

Вслед за Л.Н. Мурзиным можно разграничить четыре основных составляющих в любой конструкции со значением сравнения: две из них «отражают предметное содержание сравнения – образы денотатов, между которыми устанавливается компаративное отношение. Третий компонент – реляционный, он представляет собой тот общий признак, который объединяет предметные компоненты сравнения. Наконец, четвертый компонент является

формальным или формально-грамматическим компонентом, несущим компаративное значение, т.е. средством сравнения» [Мурзин 1998: 84].

Рассмотрим типы объектов, соотносимых в рамках сравнительных конструкций. Вопрос о статусе сравниваемых объектов заслуживает особого внимания. Как отмечалось в специальной литературе, сравнительная конструкция в своем прототипическом виде полипропозитивна: «(1) предложениях, выражающих сравнительные отношения, уподобляются две ситуации, сопоставляемые на основании объективного сходства или тождества, либо на основании субъективных ассоциаций» [Русская грамматика 1980, II 602]. Очевидно, что наиболее эксплицитно сравниваемые ситуации представлены в сложном предложении, ср.: *И перед младшею столицей / Померкла старая Москва, / Как перед новою царицей / Порфиросная вдова* (А.С. Пушкин). В то же время имеется целый ряд сравнительных конструкций, которые совмещают в себе признаки простого и сложного предложения [Русская грамматика 1980: 177-179]; по традиции они называются простыми предложениями со сравнительными оборотами, и их полипропозиitivность далеко не всегда очевидна, ср.: *Как женщины, ты родину люби* (Н.А. Некрасов). Помимо сравнительного оборота, объект сравнения, не соотносящийся явным образом с отдельной ситуацией, может быть выражен также:

приложением: *Месяц, всадник унылый, Урони повода* (С. Есенин); *Я знаю, что деревьям, а не нам, / Дано величие совершенной жизни, / На ласковой земле, есенье звездам, Мы – на чужбине, а они – в отчужде* (Н. Гумилев); *Отрок-ветер по сауде течи / Заполн на берегу подол* (С. Есенин); сказуемым: *Сухарева – дочь войны. Смоленский рынок – сын чумы* (В. Гиппаровский); *Сестра моя жизнь* (Б. Пастернак); *Эта ночь – словно севера милого дочь* (А. Григорьев); *Сестра моей любовницы дебелий – Во всем разгаре жизни молодой, / О господи, была подобна снегой / Душистой дыне, на степи родной / Созревшей в жаркий день* (И.С. Туренев);

падежной формой в сравнительном значении: *Но снег повадился, повадился, / Закружит всё верёном, / И моя молодость повалится / опять ингаикой под окном* (Е. Евтушенко).

Мы будем подходить к объектам, формирующим структуру любого типа сравнительной конструкции (простой или сложной в синтаксическом отношении), исключительно с точки зрения морфологии субстантивного рода. Для целей нашего исследования в рамках соотносимых фрагментов сравнительной конструкции нужно выделить субстантивные лексемы (иногда – с необходимыми распространением, т.е. именными группами), грамматическое (родовое) поведение которых требует осмысления. Эти опорные субстантивные компоненты сравнительной конструкции условимся называть компаратами (ср.: [Шувалова 1990: 94]).

Необходимо разграничивать прежде всего два типа компаратов: **первый компарат** (сокращенно: K_1), т.е. слово или именная группа как средство обозначения сравниваемого внеязыкового объекта, и второй компарат (K_2) – средство обозначения объекта, с которым осуществляется сравнение. Ср. соотношение указанного типа компаратов в приведенном ранее фрагменте из стихотворения А. Григорьева «Песня сердцу»: *Эта ночь* [K_1] – *словно севера милого дочь* [K_2].

Уже рассмотренные примеры функционирования родовых форм существительного в сравнительных конструкциях показывают, что перед нами принципиально новый тип контекстов реализации родовой семантики по сравнению со всеми рассмотренными ранее. В подобных примерах мы наблюдаем метафору (*ночь уподобляется дочери, Москва «меркнет» перед Петербургом* и т.п.), но далеко не в любой сравнительной конструкции представлено олицетворение.

Противопоставление компаратов в сравнительных конструкциях строится обычно на координации их родовых форм. Изменение родовой формы любого из сопоставляемых имен может приводить к искажению или даже разрушению авторского замысла. Так, *ночь* (жен. р.) может быть уподоблена *дочери* (жен. р.) *севера*, но отнюдь не **сыну севера*; невозможно также заменить выражение *младшая столица* (жен. р.) на *Петербург* (муж. р.), *вдова* (жен. р.) на *вдова* (муж. р.), *царицу* (жен. р.) на *царя* (м. р.).

Такое однозначное соответствие родовых форм компаратов наблюдается не всегда. Дело в том, что «в роли первого и второго предмета [сравнения] могут выступать любые образно осваиваемые факты действительности – явления неживой природы, растения, животные, люди, их внутренний мир. Сопоставляемые в «предметные пары», они образуют сочетания, характеризующиеся большим разнообразием» [Краткая литературная энциклопедия 1967, 4: 795]. Можно разграничить четыре разных типа соотношения родовых форм компаратов. Рассмотрим каждый из этих типов.

1. K_1 и K_2 – **одушевленные имена**. В сравнительных конструкциях с одушевленными компаратами координация родовых форм компаратов весьма желательна, часто совершенно необходима: ...*Где в самой тёмной из нешер / Живёт священная змея* [K_1] *Земного матерья* [K_2] *бытия* (Н. Гумилев) – ср. невозможность выражения: **живёт змея – отцу земного бытия*. Однако иногда автор того или иного текста сознательно идет на столкновение одушевленных компаратов с несовпадающими родовыми формами: *О! Оооо! – зарыдал он* [K_1] *как женщина* [K_2] (Л.Н. Толстой) – о Николае Ростове, узнавшем о гибели брата; *А ты, в ком нет ума, безмозглый дворянин* [K_1] / *Хоть ты княжеский, хотя господский сын, / Как будто женщина дурная* [K_2] *не жеманься* (А.П. Сумароков). Толстой использует недолжную родовую форму второго компарата, чтобы подчеркнуть исключительность жизненных